

9. Забужко О. Польові дослідження з українського сексу: Роман. – Видання сьоме. – К.: Факт, 2004. – 176 с.
10. Зборовська Н. Психоаналіз і літературознавство: Посібник. – К.: Академвидав, 2003. – 392 с. – (Альма-матер).
11. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. – К.: Тандем, 2001. – 278 с.
12. Подорога В. А. Словарь аналитической антропологии // Логос. – 1999. – № 2. – С. 27–73.
13. Слотердайк П. Критика цинічного розуму / Пер. з нім. А. Богачова. – К.: Тандем, 2002. – 544 с.
14. Табачковський В. Предмет філософської антропології. Різновиди антропологічного пізнання. – В кн.: Філософія: Світ людини. Курс лекцій: Навч. посібник / В. Г. Табачковський, М. О. Булатов, Н. В. Хамітов та ін. – К.: Либідь, 2004. – С. 15–38.
15. Ульяненко О. Сталінка / Ульяненко О. Сталінка; Дофін Сатани: Романи. – Харків: Фоліо, 2003. – 382 с. – (Література).
16. Фройд З. Вступ до психоаналізу. – К.: Основи, 1998. – 686 с.
17. Фуко М. История сексуальности–III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы / Под общ. ред. А. Б. Мокроусова. – К.: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл–бук, 1998. – 288 с.

Щеникова Е.В.

НАРУШЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале российской прозы последней трети XX – начала XXI века)

Количественные и собирательные числительные (КЧ и СЧ) в современном русском языке употребляются в сходных грамматических и семантических условиях. Их варьирование во многом связано с действием литературной нормы, согласно которой СЧ в отличие от КЧ могут сочетаться лишь с ограниченным кругом слов.² Современная русская речь, однако, обнаруживает не очень частые, но достаточно регулярные отклонения от этой нормы, и особый интерес здесь, на наш взгляд, представляет вопрос о ее нарушении и поддержании при указании на количество лиц женского пола и взрослых животных.

Прежде всего, следует отметить, что сама норма в области употребления КЧ и СЧ разными исследователями понимается несколько по-разному и, таким образом, не имеет однозначной кодификации.³

Так, при нормативной характеристике сочетаний СЧ и КЧ с именами существительными используется два основных подхода. В одном случае акцент делается на собственно лингвистических признаках (например: СЧ не сочетаются/ не должны сочетаться с именами существительными женского рода), в другом – на экстралингвистических особенностях (например: СЧ не сочетаются/ не должны сочетаться с именами существительными, называющими женщин). Очевидно, что при наличии подобных формулировок невозможно однозначно ответить на ряд вопросов: допустимо ли использовать СЧ при указании на количество лиц женского пола, если эти лица обозначаются существительными мужского рода (в частности, именами существительными, называющими лиц по профессии: *инженер, врач*)? можно ли употреблять СЧ в сочетании с именами существительными женского рода (*особа, персоне*) или, например, в сочетании с неодушевленными существительными, если в тексте эти слова являются наименованиями лиц мужского пола? и т.п. Для иллюстрации нормативных предписаний в справочной, учебной литературе используются только количественно–именные словосочетания с отношениями восполнения (*трое мальчиков, три девочки*; см. также [5, с. 575]). Таким образом, не совсем ясно, допустимо ли использование СЧ для указания на количество лиц женского пола в сочетаниях иных синтаксических типов: *трое из девочек, девочки (трое)* и т.п.

Кроме того почти не регламентируется употребление СЧ в сочетании с личными местоимениями и в так называемой изолированной позиции,⁴ а немногочисленные высказывания по этому поводу крайне про-

² В «Русской грамматике», в частности, норма определяется следующим образом. СЧ употребляются «1) С сущ. муж. и общ. р. – названиями лиц: *трое мальчиков, пятеро мужчин, четверо сирот* <...>. 2) С сущ. *дети* (ед. ч. ребенок), *ребята* (ед. ч. человек), *лица* ‘люди’, с названиями незрелых существ, а также с субстантивированными прилагательными и причастиями в форме мн. ч., называющими группу лиц: *четверо детей, трое людей, трое щенят*, <...> *пятеро неизвестных лиц*, <...> *четверо знакомых*. <...> 3) С личными местоимениями–существительными *мы, вы, они* <...>. 4) Из неодушвл. существительных собирательные числительные сочетаются только со словами *pluralia tantum* и, реже, с названиями парных предметов, не относящимися к разряду *pluralia tantum*: *двое суток*, <...> *двое лыж* ‘две пары лыж’ <...> [5: 575].

³ Известны даже попытки установления новой нормы в отношении сочетаний СЧ с отдельными группами слов. Так, некоторые лингвисты признают допустимым их использование с именами существительными женского рода (во всех ситуациях общения либо в рамках разговорно–бытового стиля) [6: 16; 4: 66].

⁴ Вне словосочетаний с именами существительными, субстантивированными словами и личными местоимениями (*Вошли двое*).

тиворечивы (ср., например [1, с. 64; 6, с. 6]). Замечания об использовании СЧ в изолированной позиции при указании на количество животных зафиксированы нами лишь в работе И.Б. Голуб, которая пишет о том, что «требуют правки предложения» типа «*Крупные язи живут в одиночку или группами по двое-трое (следует по два-три)*» [3, с. 262]. При этом из контекста не совсем понятно, необходимы ли исправления, если СЧ использовано в отношении незрелых животных. Можно предположить, что запрет на употребление СЧ в этой позиции подразумевается,⁵ однако отсутствие прямых и однозначных рекомендаций в этом и других упомянутых выше случаях (рекомендаций в отношении различного рода «периферийных» словосочетаний с именами существительными, сочетаний с личными местоимениями) позволяет носителю языка осуществлять выбор разряда числительного, руководствуясь собственными представлениями о должном. При этом могут возникнуть такие прецеденты в использовании СЧ, которые в дальнейшем будут способствовать расшатыванию кодифицированной нормы.

В некоторых случаях отклонения от нормы могут быть связаны с особенностями описываемой действительности. В произведениях нереалистического характера (например, в сказках о превращениях) существуют персонажи, которые обозначаются именами существительными типа *волк, комар, жук*, но обладают свойствами не только животных, но и людей. СЧ (на нашем материале⁶) в подавляющем большинстве случаев используются для указания на количество именно таких персонажей: *Жуки (четверо) посылали свои умоляющие сигналы. Муравьи посуетились и тоже посигналили. <...> Муравьи и жуки остались с детьми, не захотели обращаться в космонавтов* (Л.С. Петрушевская «Приключения в космическом королевстве»). Таким образом на собственно языковом уровне формируется представление о двуединстве животного и личностного начал. Интересно отметить, что в тех же произведениях при обозначении количества персонажей, для которых животная ипостась является единственной, используются только КЧ: *Саша узнал дорогу, это она на пути сюда казалась такой темной о пустой, но сейчас он всюду замечал жизнь: вдоль дороги сновали полевые мыши, при появлении волков исчезающие в своих норах; на обочине свернулся колючим шаром еж и отлетел в поле, отброшенный легким ударом волчьей лапы; реактивными истребителями промчались два зайца, оставив густой след запаха, но которому было ясно, что они насмерть перепуганы, а один вдобавок глуп, как пробка* (В.О. Пелевин «Проблема верволка в Средней полосе»). КЧ используются автором в приведенном контексте даже несмотря на то, что события в произведении подаются через восприятие Саши–оборотня, который в данный момент времени находится в шкуре волка и приписывает зайцам некоторые черты личности (*один <...> глуп, как пробка*).

При обозначении количества лиц женского пола и, реже, при обозначении количества животных нарушение нормы может использоваться писателями как средство для создания различных стилистических эффектов; например, для стилизации под речь людей, плохо владеющих нормами русского языка: *А он, Груздев, после войны и оглянуться не успел, как четырех детишек наплодил, тут уж тяни, вкалывай. Жаль, девки одни, все четверо девки <...>* (В.С. Маканин «Солдат и солдатка»). Автор употребляет СЧ в рамках конструкции с несобственно–прямой речью, при помощи которой передает отношение к действительности со стороны малограмотного сельского жителя.

Литературная норма при использовании КЧ и СЧ для указания на количество лиц женского пола и взрослых животных может также нарушаться с целью создания комизма. Комический эффект возникает и при сочетании СЧ с именами существительными, называющими лиц, которые занимают высокое социальное положение⁷: *От той же богобоязненности государь во все посты – а их на Руси великое множество – по понедельникам, средам и пятницам пища в уста не принимает, а в церкви стоит по шесть часов на дню, кладя до полутора тысяч земных поклонов. К царице же, хоть и любит ее безмерно, входит в опочивальню раз в три месяца, и этим благочестивым целомудрием все русские очень гордятся, тем более что, невзирая на воздержанность, чад Алексей Михайлович народил много: у его величества трое сыновей да шестеро дочерей, а еще шестерых принцев и принцесс. Господь прибрал во младенчестве и отрочестве* (Б. Акунин «Алтын–Толобас»). Использование СЧ здесь может рассматриваться и как элемент стилизации, поскольку информация в данном случае пропускается через субъективную сферу героя-иностранца, который плохо владеет русским языком.

Отклонение от нормы при построении речи (текста) может быть связано с желанием автора сформировать у читателя представление об аномальности, абсурдности описываемой ситуации: *Но тут из далекого города приехала племянница Ох и Ну, которая сказала: «Еще чего» – и выгнала сначала овчарку, потом ее хозяина, троих неразлучных друзей, двух глухих старушек и еще из кухни пятнадцать человек, шестерых кошек и всех голубей, которые жили под потолком* (Петрушевская Л.С. «Дядя Ну и тетя Ох»). СЧ *трое*, которое использовано для указания на количество «неразлучных друзей», за счет своих стилистических особенностей представляет этих людей несколько снижено; кошки же, напротив, повышаются в статусе из-за того, что в сочетании их наименованием использовано «личностное» СЧ *шестеро*; в результате этого люди и животные представляются как равные. Семантико-стилистические возможности СЧ реализуются в данном случае на базе алогизма, созданного синтаксическими средствами (в ряд грамматически однородных членов (дополнений) помещены слова, которые несут информацию о нерядоположенных явлениях – людях и животных).

⁵ Во многих работах говорится о том, что СЧ указывают на лицо, а животные, как известно, к лицам не относятся.

⁶ 3000 употреблений СЧ и КЧ в прозаических произведениях Б. Акунина, В.С. Маканина, В.О. Пелевина, Л.С. Петрушевской.

⁷ Согласно норме, с такими словами также следует употреблять КЧ, а не СЧ, поскольку последние имеют в современном русском языке разговорный оттенок и способны придать тексту недопустимую сниженную окраску.

НАРУШЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В обследованных нами художественных текстах отклонения от общелитературной нормы при использовании СЧ и КЧ встречаются относительно редко (составляют около 10% от общего количества употреблений) и в подавляющем большинстве случаев так или иначе мотивированы, связаны с художественным замыслом автора. Однако на основании подобных употреблений в разговорной речи под воздействием закона языковой аналогии могут возникнуть необоснованные (не мотивированные семантически или стилистически) отступления от нормы, которые можно охарактеризовать не иначе как речевые ошибки.

Отступления от традиционных нормативных предписаний встречались бы значительно чаще, если бы норма в сфере функционирования КЧ и СЧ не поддерживалась живыми языковыми факторами.

Так, относительно редкое употребление СЧ для указания на количество лиц женского пола, вероятно, связано с тем, что числительные этого разряда обладают не только семей лица, но и семей мужского пола. По свидетельству академика В.В. Виноградова, в период формирования нормы «категория лица охватывала названия лиц только мужского пола» [2, с. 249]. Таким образом, можно предположить, что в результате длительного использования СЧ для указания исключительно на количество мужчин (первоначально на основании живых языковых факторов, а в дальнейшем – под воздействием сложившейся традиции словоупотребления) представление о мужском поле закрепилось за ними и с течением времени нашло отражение в их семном составе.

Во многих случаях использование КЧ при обозначении количества лиц женского пола и взрослых животных связано с действием тех же факторов, которые определяют выбор числительных этого разряда в ситуациях, где допускается их свободное варьирование с СЧ, например, при указании на количество лиц мужского пола.⁸

Употребление КЧ всегда мотивировано при указании на расчлененное количество, т.е. при указании на количество лиц или животных, которые в некотором отношении, например, в отношении времени, не могут представлять собой единства: *Полинька ожила, помолодела, родила мужу одну за другой двух дочек, умниц и красавиц* (Акунин Б. «Страсть и долг»). Представление людей как отдельно существующих единиц может иметь и социально–психологические основания: *«Ничего страшного, мать», – хотел было наугад сказать Лапин, но осекся. Было две уборщицы: одна – вот эта, старенькая, и была другая, обижавшаяся на слово «мать». Эта не обижалась, но Лапин уже осекся <...>* (Маканин В.С. «Безотцовщина»). Женщины рассматриваются героем в их отношении к обращению *мать* и по указанному признаку резко отличаются друг от друга; таким образом, употребление КЧ здесь, как и в предыдущем примере, поддерживается лексико–семантическими особенностями контекста.

Использование КЧ в контекстах философско–поэтического, патетического характера также всегда является мотивированным: *В том и был урок, что разность объятий двух бабушек была не только разностью рук и разностью запахов* (В.С. Маканин «Голубое и красное»). Употребление СЧ, которые придают тексту эмоционально–сниженный характер, в подобных случаях неуместно.

Действием различных лексико–семантических, стилистических, а также семантико–грамматических и фонетических факторов можно объяснить от 30% до 85% случаев использования КЧ. Если СЧ употребляются преимущественно для указания на количество атипичных персонажей (людей–животных), при описании абсурдных, комичных ситуаций, то условия, в которых функционируют КЧ, более нейтральны, традиционны. Очевидно, именно это и определяет более частое употребление КЧ по аналогии, действие которой можно усмотреть во всех тех случаях, где выбор разряда числительного не мотивирован контекстом.

Таким образом, в целом, несмотря на наличие некоторых колебаний, норму в сфере употребления КЧ и СЧ следует признать достаточно устойчивой.

Источники и литература

1. Акимова, И.И. Морфология русского языка. – Хабаровск: Изд–во ХГТУ, 2003. – 178 с. – ISBN 5–7389–0218–1.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – 2–е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
3. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис–пресс, 2004. – 448 с. – ISBN 5–8112–0858–8.
4. Качевская, Г.А. Собирательные числительные // Русская речь. – 1968. – № 1. – С. 61–66.
5. Русская грамматика. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
6. Щербаков, Ю.И. Употребление собирательных числительных в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1969. – 24 с.

⁸ При отсутствии постоянной оппозиции «КЧ – СЧ», факторы, определяющие выбор КЧ, выявить, безусловно, сложнее, однако это не означает их полного отсутствия.